

ОТДѢЛЪ ПЛОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ, отправляемыхъ калмыками, кочующими въ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (1).

Калмыцкое духовенство, силою историческихъ обстоятельствъ, разлученное съ своими единовѣрцами въ Зюнгарию, въ первыя времена пребыванія своего въ предѣлахъ Россіи, поддерживало свое вѣроученіе и народныя обычаи сношеніями съ единоплеменниками и посольствами въ Тибетъ — мѣсто пребываніе ихъ земнаго божества (*Хласса*) — *Далай-Ламы*. Онъ снабжалъ ихъ книгами, идолами и всѣми принадлежностями богослуженія; присылалъ въ Астраханскія степи ученыхъ жрецовъ, для утвержденія духовенства въ правильныхъ понятіяхъ о догматахъ вѣроученія. Послѣ же бѣгства калмыковъ въ 1771 году, (см. Епарх. Вѣдом. за № 1878 г. № 28), когда русское правительство начало преграждать имъ путь въ Азію, отказывая вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отправленіи посольствъ къ *Далай-Ламѣ*, сношенія ихъ съ единоплеменниками и Тибетомъ совершенно прекратились. Вѣроученіе, принесенное ими изъ Зюнгаріи, (хотя и въ измѣненномъ видѣ, приравленномъ къ грубымъ понятіямъ кочевниковъ), подверглось отъ времени еще большимъ измѣненіямъ; а толкованія его духовенствомъ, до того неказили первоначальное ученіе ламантовъ, что оно объяняется различно чуть не въ каждомъ *хурулѣ*. Калмыцкое вѣроученіе и въ прежнія времена мало знакомое лицамъ, не посвященнымъ въ его таинства, сдѣлалось совершенно не понятнымъ не только для *простолдиновъ*, *зайсанговъ*, но и для самыхъ *гелюнговъ*, которые, совершая обряды и моленіе на Тибетскомъ языкѣ, съ малолѣтства, машинально заучиваютъ слова молитвъ изъ священныхъ книгъ (*номъ*), вовсе не понимая ихъ значенія. Безграмотность калмыцкаго духовенства доходитъ до того, что болѣе половины его едва умѣетъ читать на своемъ природномъ языкѣ. Лишенные всѣхъ лучшихъ рукописей монгольской литературы, — (а ее отношеніе къ калмыцкому языку такое-же, какъ славянскаго — къ русскому), увезенныхъ при бѣгствѣ къ границамъ Китая, духовныя особы, при всякомъ покушеніи начать разговоръ о предметахъ вѣры, отзываются тѣмъ, что по ихъ закону не позволительно говорить о вѣрѣ, не только съ посторонними лицами, но даже и съ единоплеменниками? Если-же иногда и случалось вос-

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 7, 8, 9 15, 16 и 19.

пользоваться, со стороны некоторых духовных лиц откровенностию, то объясненія ихъ были разнообразны, сбивчивы и не удобопонятны. А потому мы здѣсь ограничимся только тѣми свѣдѣніями о калмыцкихъ праздникахъ, которыя можно было узнать по собственному наблюденію и изъ отрывочныхъ устныхъ бесѣдъ съ калмыцкимъ духовенствомъ, присовокупляя къ нимъ, иногда, краткія выписки изъ сочиненій покойнаго преосвященнаго Нила, архіепископа ярославскаго и г. Нефедьева, для нѣкотораго уясненія предметовъ.

У калмыковъ, кочующихъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи, есть праздники всѣми торжественно отправляемые, извѣстные каждому простолюдину; есть праздники которые отправляются исключительно только калмыцкимъ духовенствомъ, о которыхъ простой народъ едва-ли имѣетъ какое-либо понятіе, а большинство не знаетъ даже и времени совершенія оныхъ. Къ первымъ можно отнести праздники: *Зула*, *Цаганъ-Сара*, *Урсоъ-Сара* и *Майдаринъ-Геэгэнъ*. Эти четыре праздника почти соотвѣтствуютъ четыремъ временамъ года: зимѣ, веснѣ, лѣту и осени; а ко вторымъ— *Усу-талху* и *Галъ-талху*.

Праздникъ *Зула*—по переводу значитъ „лампада“, только калмыцкая, въ родѣ плошки, отправляется 25 ноября⁽¹⁾, считая дни отъ рожденія свѣтила. Въ этотъ день калмыки празднуютъ день *новаго года* и начала зимы.—Вечеромъ, накануне 25 ноября, изъ хурула выносятъ большой столъ покрытый бумажной матеріею и ставятъ его на открытомъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хурула. Набожные богомольцы приносятъ чашечки изъ крутаго пшеничнаго тѣста, въ родѣ нашихъ глубокихъ плошекъ, наполненные топленнымъ коровьимъ масломъ. Фитиль (*золъ*) утверждается по среди плошечки. При этомъ соблюдается слѣдующее правило: Каждый отецъ семейства долженъ принести столько плошечекъ, сколько душъ въ его семействѣ. За себя, жену, дѣтей и другихъ домочадцевъ. Къ этому присовокупляютъ слѣдующее повѣрье: фитиль долженъ имѣть такое число ниточекъ, сколько лѣтъ отъ роду тому лицу, за которое приносится *зула*. Напримѣръ если

(1) Буддизмъ, получившій начало свое во времена Гомерическихъ, почитаетъ своимъ законодателемъ Шакджи-Муни—онъ-же и Бурханъ-Вакша—„Богъ-учитель“, отъ котораго въ Монголіи ведутъ свое происхожденіе, говоритъ преосв. Нилъ (стр. 17, о Буддизмѣ“). По вычисленію ихъ, нынѣ, т. е. въ 1879 году, считается 2916 годъ. Почему новый годъ у калмыковъ начинается 25 ноября вынести было не возможно. Было-ли это число днѣмъ рожденія Шакджи-Муни, который происходитъ изъ царственнаго рода Сиддарты, имѣя отцомъ своимъ Сиддадани; а мать—Махамая? Или-же—въ это число Шакджи-Муни явился великимъ учителемъ, что Шакджи-Муни и его отецъ въ разныхъ перерожденіяхъ, получили различныя имена, какъ повѣствуетъ о томъ въ Монгольскихъ легендахъ.

отцу семейства 40 лѣтъ отъ роду, то фитиль его зумъ долженъ состоять изъ 40 бумажныхъ нитокъ. Жепъ его 30 — и свѣтила изъ 30; сыпу 10 лѣтъ — и свѣтила въ его зумѣ изъ 10 ниточекъ и т. далѣе. Пломечки приносятъ къ хурулу, ставятъ ихъ на столъ и не зажигаютъ до времени. Между тѣмъ въ хурулѣ гелюнами совершается моленіе, состоящее изъ чтенія, пѣніи и духовной музыки, по окончаніи котораго, *Башиа*, возложивъ на головы почетныхъ гелюнговъ нѣкоторыя изъ отливныхъ изображеній бурхановъ и часть *помовъ* (свидѣнныхъ книгъ) выносятъ ихъ изъ хурула при громогласномъ пѣніи всего духовенства и звуковъ духовной музыки и начинаютъ обходить ближайшія хурульныя кибитки, или-же всю *кюрю*, это зависить отъ распоряженій начальника хурула. Народъ преклоняется предъ бурханами и номами и каждый зажигаетъ свои *зумы* — пломечки, и снова начинаетъ молиться. Если зажженная *зумъ* не погаснетъ, масло хорошо будетъ горѣть во время духовной процессіи, значить то лицо, за котораго принесена лампадка, благополучно проживетъ наступающій новый годъ; если-же *зумъ* преждевременно погаснетъ, то лицо, за котораго она принесена, или будетъ несчастливо, или-же умретъ въ наступившемъ году! Когда духовная процессія возвратится въ *Бурхытти-Оргэ*, и гелюнги окончивъ богослуженіе, разойдутся по своимъ кибиткамъ, тогда народъ начинаетъ входить въ хурульную кибитку, поклониться бурханамъ, получать *аршанъ* и расходиться по домамъ, оставляя *зумы* на распоряженіе духовенства, которое по истеченіи извѣстнаго срока и гаситъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было много масла. Въ этотъ вечеръ въ хурулахъ бываетъ торжественная иллюминація, потому-что *зумы* устрояются не только за каждое лицо живущее въ хурулѣ (а ихъ въ каждомъ хурулѣ можно насчитать въ нѣсколько разъ болѣе штатнаго положенія) но даже и за многихъ отсутствующихъ лицъ, которые просятъ гелюнговъ устроить за нихъ *зумы*, — то можно себѣ представить какал въ этотъ вечеръ бываетъ иллюминація!.. Хурулы бываютъ залиты огнемъ!

Богатые скотоводы, далеко кочующіе отъ хуруловъ, въ этотъ-же вечеръ устрояютъ подобныя иллюминаціи и въ своихъ *хотонахъ*, соблюдая то-же правило относительно ниточекъ въ фитилѣ. На *хараачинну* — деревянный кругъ вверху кибитки, служащій дымовымъ отверстіемъ — ставятъ нѣсколько зажженныхъ пломекъ, которыя горятъ до совершеннаго истощанія масла. — Между тѣмъ хозяинъ кибитки приготовляетъ кирпичный чай, варить бараинну, угощаетъ собравшихся къ нему однохотонцевъ калмыцкою водкою (*арка* —

изъ молока) и русскою; употребляя при себѣ вмѣсто нашихъ рюмокъ или стакановъ, небольшія точеныя деревянныя чашки, изъ которыхъ обыкновенно пьютъ калмыцкій чай. При чемъ весьма часто произносится привѣтъ: *саинз одюртэ, олвзэтэ болтуга* — „съ праздникомъ, будьте счастливы.“ Вѣдники-же, неимѣющіе возможности дѣлать роскошныя иллюминаціи и угощенія, устроятъ одну большую плонку изъ тѣста; привязываютъ ее къ длинному шесту, который, вмѣстѣ съ зажженною *зулою*, просовываютъ въ *цагржи* — „деревянныя дуги надъ хараачиной“ — и держать до тѣхъ-поръ, пока стогрѣт все масло. Иные-же, по примѣру богачей, ставятъ одну, двѣ, или три зажженныхъ *зулы* на *хараачину*; а сами внутри кибитки варятъ чай и вообще посильно угощаютъ знакомыхъ.

По окончаніи часпѣтія и угощеній начинаются калмыцкія національныя пляски. Подъ отрывистые звуки балалайки (*домбург-цоко*), пляшущая пара дѣлаетъ различныя тѣлдвиженія, подергивая плечами. Рукамъ даютъ различныя положенія, то поднимаютъ вверхъ правую руку и опускаютъ лѣвую, то поднимаютъ лѣвую и опускаютъ правую, дѣлаютъ ими различныя кривлянія, смотря по умѣнію и экстазу пляшущихъ, причемъ ногами выдѣлываютъ калмыцкіе національныя *на*, подъ звуки музыки. Молодежь, обоюго пола, собравшаяся въ кибитку обыкновенно старшаго лица въ хотонѣ, веселится далеко за полночь. Во время пляски, зрители нерѣдко дѣлаютъ возгласы *харисз!* — браво! — По степному обычаю всѣ лица, находящіеся въ той кибиткѣ, гдѣ происходятъ тапцы, принимаютъ участіе въ пляскахъ. Это право пляшущая пара обыкновенно передаетъ чрезъ легкое прикосновеніе рукою къ плечу зрителя, тихо произнося: *бййлэ* — „пляши“. И принявшій это приглашеніе уже не въ правѣ отказаться; а долженъ вставать, и, подъ звуки балалайки, выдѣлывать калмыцкіе національныя *на*.

У здѣшнихъ калмыковъ лѣтосчисленіе ведется не такъ какъ у образованныхъ народовъ, отъ извѣстной замѣчательной эпохи. Они считаютъ года извѣстными періодами, слагающимися изъ 60 лѣтъ. Въ счетъ идутъ по ряду имена тѣхъ животныхъ, которыми называются мѣсяцы, съ приложеніемъ къ каждому слова *Сара* — мѣсяць. А въ названіяхъ мѣсяцевъ соблюдается слѣдующій порядокъ: 1) Декабрь — *барсз* — „барсъ“; 2) Январь — *туула* — „заяць“; 3) Февраль — *луу* — „драконъ“; 4) Мартъ — *мого* — „змѣя“; 5) Апрель — *моринз* — „лошадь“; 6) Май — *хонинз* — „овца“; 7) Іюнь — *мечинз* „обезьяна“; 8) Іюль — *така* — „курица“. 9) Августъ — *нохо* — „соба-

ка“; 10) Сентябрь—*гахи*— „свинья“; 11) Октябрь—*хулмуна*— „мышь“; 12) Ноябрь—*укторъ*— „корова“⁽¹⁾. При этомъ порядкѣ къ именамъ мѣсяцевъ прибавляются слова: „жельзо—*темуръ*; вода—*усунъ*; дерево—*модунъ*; огонь—*галъ* и земля—*шоро*, а въ просторѣчїи— *газыръ*“. Прибавленія этихъ пяти словъ бывають два года сряду, къ разнымъ наименованіямъ животныхъ. Напримѣръ: одинъ годъ называется *темуръ-барсъ* „жельзный барсъ“; а второй—слѣдующій за нимъ, *темуръ-туула*— „жельзный зацъ“. Или: одинъ годъ называютъ *усунъ-луу*— „водяной драконъ“; а слѣдующій за нимъ—будетъ именоваться *усунъ-мого*— „водяная змѣя“.

Если у калмыка родится сынъ за нѣсколько дней до *зулы*, то ему считается уже годъ; если-же чрезъ нѣсколько дней послѣ *зулы*, то родившемуся считаютъ уже два года. Въ будущую *зулу* ему будетъ считаться уже три года, и т. далѣе. Лѣта калмыки считаютъ не со дня рожденія, а со времени его зачатія.

По словамъ гелюнговъ возжиганіе *зулы* на новый годъ, означаетъ жертву солнцу, которое по ихъ ученію состоитъ изъ огня и стекла. Чтобы оно привѣтливѣе смотрѣло на землю и согрѣвало ее во время зимы; чтобы не было сильныхъ морозовъ, или глубокихъ снѣговъ, которые-бы закрывали подножій кормъ; такъ-какъ скотоводы—калмыки сѣна на зиму вовсе не запасаютъ, исключая нѣкоторыхъ калмыковъ Малодербетевскаго и Икицокуровскаго улусовъ, которые дѣлають не большіе запасы сѣна, и то на случай *шургановъ*— „мятелей“. Въ правдникъ *зулу* гелюнги молятъ духовъ—*тенриссѣ* (а ихъ 33), которые охраняють солнце и живутъ тамъ въ хрустальныхъ дворцахъ, чтобы они щедрѣе изливали на землю животворную теплоту; такъ-какъ съ 25 ноября и до праздника *Цаганъ-Сара*, калмыки не перекочевываютъ съ одного мѣста на другое.

(Продолженіе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

---

(1) По счету зурхачейскихъ книгъ, о которыхъ весьма многіе изъ гелюнговъ не имѣють понятія, недѣля состоитъ изъ семи дней. Нарынъ-Гарикъ, а въ просторѣчїи Одюрь—соотвѣтствуетъ нашему воскресенью; Сара-гарикъ—понедѣльникъ; Мингмѣръ-гарикъ—вторникъ; Улюмджи-гарикъ—среда; Пюрбѣ-гарикъ—четвертокъ; Васангъ-гарикъ—пятница; Вембѣ-гарикъ—суббота. Изъ дней недѣли калмыки особенно уважають четвертокъ.